

О. К. Гранстрем^{1,2},
кандидат биологических наук

Г. В. Штучная⁴

Е. Г. Сорокина³,
кандидат биологических наук

В. Г. Пинелис³,
доктор медицинских наук

Т. П. Сторожевых³,
доктор биологических наук

М. М. Дьяконов²,
доктор медицинских наук

¹ Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад. И. П. Павлова

² ООО «ГЕРОФАРМ», Санкт-Петербург

³ Научный центр здоровья детей РАМН, Москва

⁴ ОАО «Национальные биотехнологии», Оболенск

Последние новости о Кортексине (нейропротекция на молекулярном уровне)

ВВЕДЕНИЕ

Термин «нейропротекция» часто встречается в научных публикациях, СМИ, в рекламе лекарственных препаратов. Вопрос, существует нейропротекция или нет, во многом риторический, поскольку она является фундаментом успешного функционирования нервной системы. В ходе эволюции живых организмов параллельно с возникновением нервной системы, усложнением ее функций, совершенствованием головного мозга развивались и совершенствовались многоуровневые молекулярные механизмы защиты и поддержания этих структур. Понятно, что возможности нейропротекции заложены в самой природе мозга, в организации генома и непосредственно на уровне нейропептидов.

Для медицины принципиально важно, существуют ли адекватные методы фармакологического воздействия, способные активировать эти природные механизмы и поддерживать их на необходимом уровне. Здесь мнения специалистов расходятся, что связано с определенным методологическим несоответствием между результатами экспериментальных и клинических исследований.

Так, публикация обзорно-аналитического исследования «1,026 Experimental Treatments in Acute Stroke» [1] привела к искаженной трактовке полученных результатов. Авторы показали, что ни для одного из проверенных 144 потенциальных нейропротекторов из группы в 1026 субстанций не была доказана эффективность у человека, несмотря на обнадеживающие результаты, полученные ранее в экспериментах на животных.

В этой связи важно отметить, что принятая в России интерпретация этих выводов в корне отличается от авторской: почему-то у нас, в зависимости от текущих интересов, это звучит, как «доказано, что нейропротекции не существует», против оригинального вывода авторов: «для проведенных клинических испытаний, возможно, были выбраны не самые эффективные субстанции». При таком «переводе»

и «свободе изложения», естественно, можно делать любые заключения.

Очевидно, что дальнейший поиск новых эффективных нейропротекторов представляет собой сложный процесс, требующий объединенных усилий врачей, биологов и фармакологов на всех этапах.

В этом отношении особого внимания заслуживают препараты пептидной структуры. Несмотря на разнообразие, их объединяет ряд общих характеристик: низкая дозировка, отсутствие выраженных токсических эффектов, мягкость и пролонгированность воздействия. В целом континуум регуляторных пептидов организма [2], сформированный миллионами лет эволюции, является основой многоуровневой регуляции всех функций организма, в том числе и непосредственно процессов, обеспечивающих нейропротекторный эффект. В информационном плане именно пептиды являются универсальным «языком», понятным и естественным для живых организмов как на системном, так и на клеточном уровне. Это обеспечивает вектор сааногенеза живого организма.

В качестве иллюстрации успешной разработки, основанной на перечисленных принципах, рассмотрим Кортексин — препарат, эффективность которого доказана на клиническом, биологическом, клеточном, генетическом и молекулярном уровнях.

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ МЕХАНИЗМОВ ДЕЙСТВИЯ КОРТЕКСИНА

Инсульт, черепно-мозговая травма, нейродегенеративные заболевания имеют различные клинические проявления и этиологию, но сопутствующая им гибель нервных клеток происходит вследствие патологических каскадных процессов со сходными молекулярными механизмами. Ключевыми из них являются эксайтотоксичность, вызванная чрезмерной активацией глутаматных рецепторов, и последующий вход ионов кальция в клетку. Избыток кальция запускает процессы, ведущие к гибели клеток по пути некроза или апоптоза (схема).

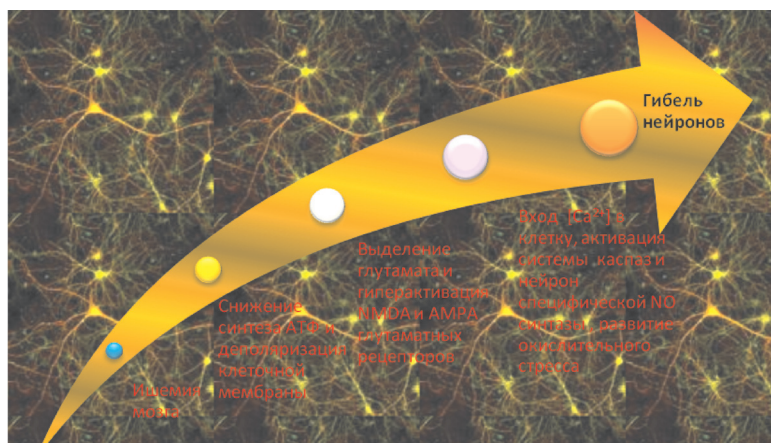

Схема. Каскад развития патологических процессов в мозге при ишемии (Гранстрем О. К., 2008)

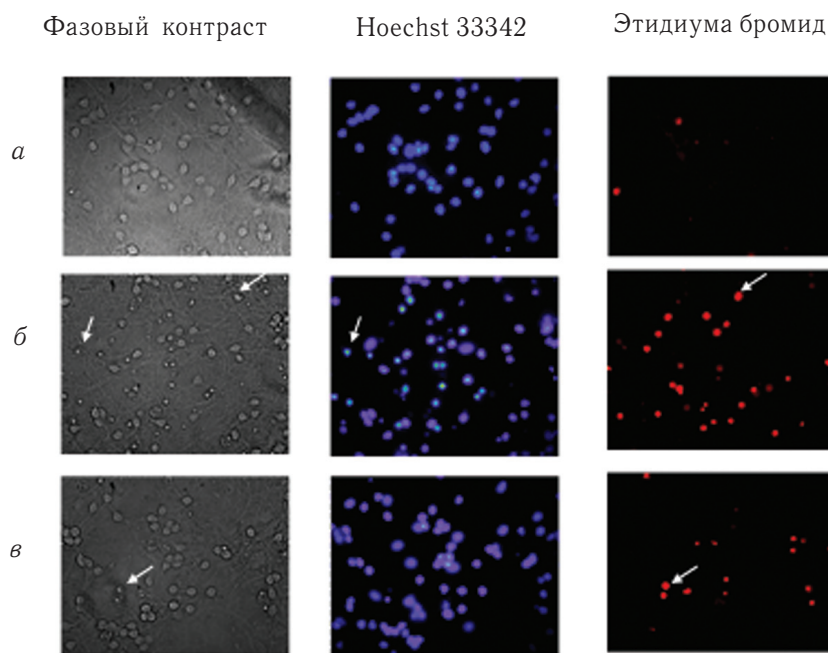

Рис. 1. Снижение апоптотической гибели нейронов при гиперстимуляции глутаматом. Изображения культуры зернистых нейронов мозжечка крысы, полученные с помощью флуоресцентного микроскопа Axiovert 200 («Zeiss»). Клетки окрашены одновременно двумя флуоресцентными красителями: Ноечст 33342 (апоптоз) и этидиума бромидом (некроз).

а — контроль; *б* — глутамат; *в* — глутамат + Кортексин (100 нг/мл).

Стрелками отмечены апоптотические и некротические нейроны одновременно на флуоресцентном изображении (справа) и изображении в проходящем свете (слева) [3]

Нейропротекторное противоапоптотическое действие. Основной мишенью Кортексина при ишемическом и геморрагическом инсульте является зона пенумбры — участок нервной ткани, окружающей очаг поражения, испытывающей кислородное и энергетическое голодание, но какое-то время (в течение 5–6 ч после катастрофы) еще живой. От эффективности терапевтических мероприятий в этот период зависит дальнейшее развитие болезни: либо подавление апоп-

тоза и некроза нейронов, восстановление их жизнеспособности и остановка каскада патологических реакций, либо расширение очага поражения, замещение погибших нейронов глиальными клетками и, как следствие, существенный неврологический дефицит и сложности в реабилитации пациента [3].

Кортексин воздействует на все этапы патологической цепи молекулярных событий, приводящих к гибели нейронов. Показано, что препарат снижает уровень

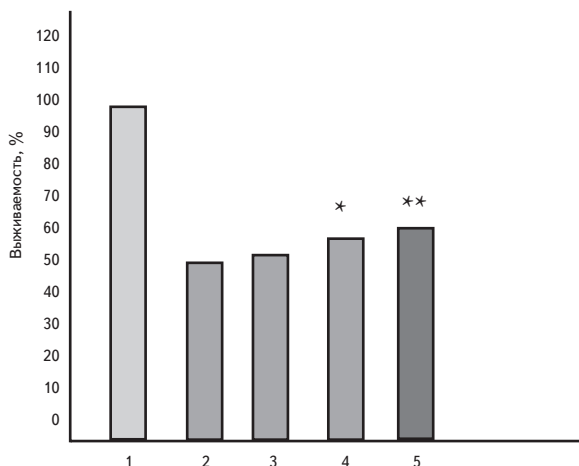

Рис. 2. Влияние Кортексина на выживаемость нейронов, подвергнутых токсическому глутаматному воздействию *in vitro* [4]
1 — контроль; 2 — глутамат;
Кортексин: 3 — 2 нг/мл; 4 — 20 нг/мл; 5 — 100 нг/мл.
* $p < 0,05$ по сравнению с 2

апоптоза нейронов, вызванного избыточным накоплением глутамата (рис. 1, 2).

Восстановление синтеза АТФ в нейронах.

Центральным звеном всех патологических процессов, протекающих в головном мозге на фоне гипоксии, является уменьшение содержания АТФ в нейронах мозга. Снижение синтеза и увеличение расхода АТФ доказано сразу после стимуляции глутаматных рецепторов токсическими концентрациями глутамата [5]. Известно, что снижение концентрации АТФ в нейронах во время гиперстимуляции глутаматных рецепторов может нарушить систему внутри- и межклеточной сигнализации в нейронах мозга, в частности, ионный гомеостаз, активность ферментов гликолиза и окислительного фосфорилирования, захват Ca^{2+} митохондриями и синтез белков. Эти процессы могут лежать в основе гибели нейронов после гипоксии и токсического действия избыточно присутствующего в синаптической щели глутамата. В недавних исследованиях показано, что Кортексин способен восстанавливать содержание АТФ после действия токсических концентраций глутамата в молодых и старых нейронах (рис. 3).

Ингибирование отсроченной кальциевой дисрегуляции.

Нейродеструктивное действие глутамата связано с необратимым повышением цитозольной концентрации Ca^{2+} ($[Ca^{2+}]_i$) и деполяризацией митохондрий [6]. В культивируемых нервных клетках мозжечка, гиппокампа и коры глутамат вызывает двухфазное повышение $[Ca^{2+}]_i$, причем вторая фаза сопряжена со снижением митохондриального потенциала ($\Delta\Psi_m$) [7]. Как правило, клетки, в которых происходит коллапс $\Delta\Psi_m$, после отмены глутамата не восстанавливают базальный уровень $[Ca^{2+}]_i$ и $\Delta\Psi_m$ и в конечном итоге погибают (так называемая отсроченная кальциевая дисрегуляция) [8]. Исследования $\Delta\Psi_m$ методом флуоресцентной

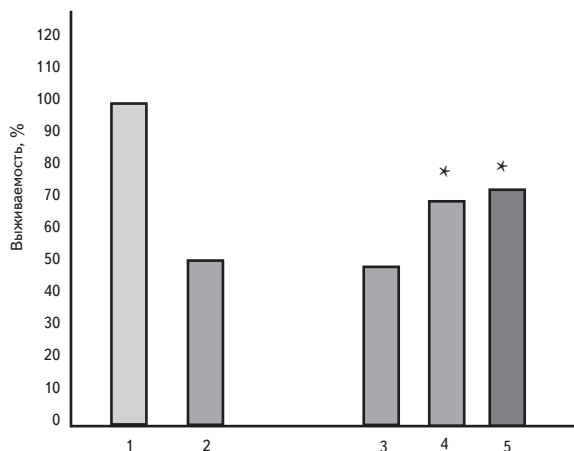

Рис. 3. Влияние Кортексина на восстановление АТФ в старых (14–15 сут) нейронах мозжечка [4].
1 — контроль (100% = $5,89 \pm 1,4$ нмоль/мг белка); 2 — глутамат 100 мкмоль, 30 мин; 3 — через 24 ч после 30 мин действия 100 мкмоль глутамата (восстановительный период в NBM-среде); 4 — через 24 ч после 30 мин действия 100 мкмоль глутамата в присутствии 100 нг/мл Кортексина; 5 — то же, что и 4, но в присутствии 200 нг/мл Кортексина (Кортексин присутствовал в растворе в течение всего времени).
Данные ($M \pm m$ значения) получены в четырех экспериментах, общее число использованных культур для каждой точки 6–8.
* $p < 0,05$ по сравнению с 3

микроскопии демонстрируют, что Кортексин значительно замедляет развитие отсроченной кальциевой дисрегуляции при действии глутамата. Таким образом, применение Кортексина способно расширять «терапевтическое окно» при ишемическом поражении нервной ткани (рис. 4).

Нейротрофическое воздействие. Пептиды Кортексина оказывают прямое и опосредованное

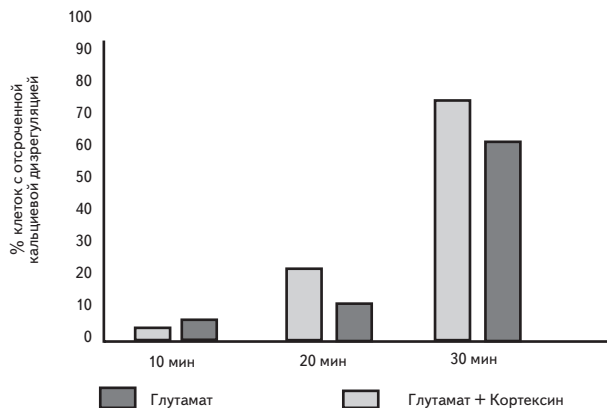

Рис. 4. Предварительная инкубация с Кортексином (100 нг/мл) в течение 24 ч замедляет развитие отсроченной кальциевой дисрегуляции в нейронах мозжечка крысы в ответ на действие глутамата (Сторожевых Т. П., 2008)

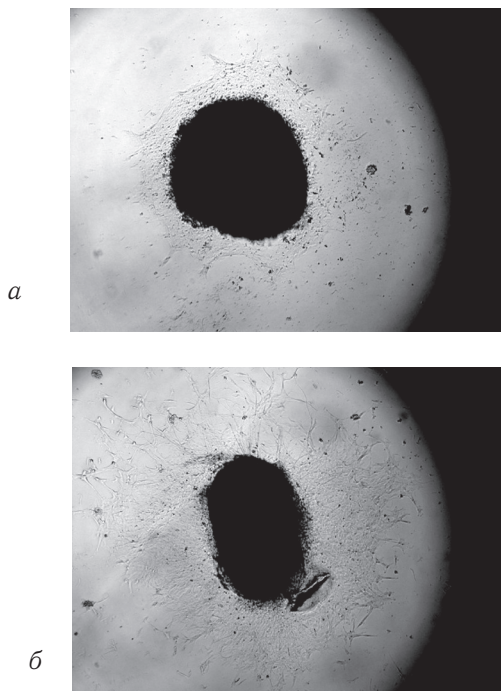

Рис. 5. Кортексин стимулирует рост нейритов в органотипической культуре коры головного мозга эмбриона цыпленка: а — контроль; б — Кортексин (Штучная Г. В., 2008)

нейротрофическое воздействие на клетки, например, стимулируя рост нейритов (рис. 5) или снижая гибель нейронов, культивируемых в среде, лишенной ростовых факторов [4].

Основные механизмы этого влияния, вероятно, базируются на изменении экспрессии генов, регулирующих синтез собственных нейротрофических факторов, таких как мозговой нейротрофический фактор (BDNF) и фактор роста нервов (NGF).

Результаты клинических исследований также свидетельствуют о влиянии Кортексина на цитокиновый обмен. Препарат через систему противовоспалительных цитокинов улучшает нейротрофическое обеспечение нервного волокна и уменьшает аутоиммунную агрессию, способствуя восстановлению и росту аксонов [9].

ВЫВОДЫ

1. Многочисленные независимые исследования убедительно доказывают наличие у Кортексина множественных эффектов, затрагивающих каскадную регуляцию апоптоза, экспрессию нейротрофических факторов, энергетическое обеспечение нервной клетки и митохондриальный потенциал, функционирование рецепторов глутамата и регулирование концентрации кальция в клетке, что выражается в нейропротекторном и нейротрофическом действии препарата.

2. Представленные новые данные о механизме действия Кортексина объясняют его широкую терапевтическую эффективность у пациентов с различными поражениями головного мозга с первых дней жизни до старческого возраста.

3. Сбалансированность пептидов Кортексина, их четкая «адресность» очагу поражения и приведенные выше многоплановые тонкие механизмы действия объясняют не только терапевтическую эффективность, но и отсутствие побочного действия препарата. Последнее обстоятельство заметно выделяет Кортексин из всего списка ноотропов, нейропротекторов и антиоксидантов.

Литература

1. O'Collins V. E. 1,026 Experimental Treatments in Acute Stroke / V. E. O'Collins, M. R. Macleod, G. A. Donnan [et al.] // *Ann. of Neurol.* — 2006. — Vol. 59. — P. 467–477.
2. Королева С. В. Разработка и применение экспертной системы анализа функционального континуума регуляторных пептидов / С. В. Королева, И. П. Ашмарин // *Биоорганическая химия.* — 2006. — Т. 32, № 3. — С. 249–257.
3. Скоромец А. А. Новые возможности нейропротекции в лечении ишемического инсульта» / А. А. Скоромец, Л. В. Стаховская, А. А. Белкин [и др.] // *Журнал неврол. и психиатр.* — 2008. — Т. 22. — С. 32–38.
4. Pinelis V. G. Neuroprotective effects of cortagen, cortexin and semax on glutamate neurotoxicity / V. G. Pinelis, T. P. Storozhevyykh, A. M. Surin [et al.] // *J. Peptide Science.* — 2008. — Vol. 14, № 8, Suppl. — P. 159–160.
5. Сорокина Е. Г. / Изменение содержания АТФ в зернистых клетках мозжечка при гиперстимуляции глутаматных рецепторов: возможное участие NO и нитритных ионов / Е. Г. Сорокина, В. П. Реутов, Я. Е. Сенилова [и др.] // *Бюлл. эксперим. биол.* — 2007. — № 4. — С. 419–422.
6. Krieger C. Mitochondria, Ca²⁺ and neurodegenerative disease / C. Krieger, M. R. Duchon // *Europ. J. Pharmacol.* — 2002. — Vol. 447. — P. 177–188.
7. Ходоров Б. И. Митохондриальная деполяризация играет доминирующую роль в механизме нарушения нейронального кальциевого гомеостаза, вызванного глутаматом / Б. И. Ходоров, Т. П. Сторожевых, А. М. Сурин [и др.] // *Биол. мембраны.* — 2001. — Т. 18, № 6. — С. 421–432.
8. De Wied D. / Neuropeptides in learning and memory processes / D. de Wied // *Behav. Brain. Res.* — 1997. — Vol. 83. — P. 83–90.
9. Герасимова М. М. Влияние Кортексина на цитокиновый обмен при пояснично-крестцовых радикулопатиях / М. М. Герасимова, А. Ю. Петушков // *Нейроиммунология.* — 2004. — Т. II, № 2. — С. 26.